

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

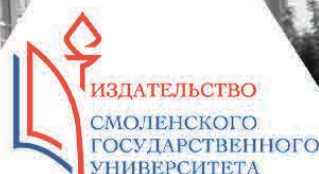
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВЫПУСК 25

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

© Авторы, 2025
© Издательство СмолГУ, 2025

ISBN 978-5-907148-82-6

Смоленск, 2025

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

Выпуск 25

Смоленск
Издательство СмолГУ
2025

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Публикуется по решению редакционно-
издательского совета
Смоленского государственного университета*

Ответственные редакторы и авторы предисловия О.А. Новикова, М.А. Короткова

Рецензенты

доктор филологических наук А.В. Радионова
кандидат филологических наук Д.В. Бутеев

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 25 / отв. ред., предисл. О.А. Новикова, М.А. Короткова. – Р 89
Смоленск: СмолГУ, 2025. 1 электрон. опт. диск. Текст: электронный.

ISBN 978-5-907148-82-6

В сборнике представлены традиционные разделы, посвященные исследованиям русской и зарубежной литературы XIX–XXI веков, теории текста, литературы Смоленской земли, русско-зарубежным литературным связям.

Сборник включен в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

ISBN 978-5-907148-82-6

© Авторы, 2025

© Издательство СмолГУ, 2025

РОЖДЕНЫ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕЙ

К 115-летию Александра Твардовского

О.А. Новикова

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 821.161

Жанровая природа автобиографической прозы А. Твардовского и М. Исаковского

Ключевые слова: А. Твардовский, М. Исаковский, Смоленская поэтическая школа, жанровая поэтика, автобиографическая проза, психология творчества.

Предметом исследования в статье стали автобиографические произведения двух выдающихся представителей Смоленской поэтической школы – Александра Твардовского и Михаила Исаковского. На материале Рабочих тетрадей (и набросков романа «Пан Твардовский» в частности) Твардовского и книги «На Ельнинской земле» Исаковского проводится сравнительный жанровый анализ произведений, выявляются общие черты и индивидуальные различия в осмыслении и фиксации писателями личного опыта. Особое внимание уделяется вопросам специфики повествовательной структуры, авторской саморефлексии, психологии творчества.

В массовом сознании Александр Трифонович Твардовский и Михаил Васильевич Исаковский «закрепились» прежде всего как выдающиеся советские поэты, авторы бессмертных произведений «Василий Теркин», «Я убит подо Ржевом», «Катюша», «Огонек», «Одинокая гармонь», «Ой, цветет калина...» и др. (последние произведения, положенные на музыку, вообще многими считаются народными). Гораздо меньше известно прозаическое наследие поэтов-земляков, автобиографическая проза в частности.

А.Т. Твардовский писал прозу всю жизнь, в минуту откровения как-то признался, что он «в сущности – прозаик». При жизни опубликовал книгу «Родина и чужбина (Страницы записной книжки)» (1946, 1959 и 1960 доп.) о Великой Отечественной войне 1941-1945 и «С Карельского перешейка (Из фронтовой тетради)» (1969) о советско-финляндской войне 1939-1940 гг. Произведения «Из старых дневников» (1926-1932), т.н. «Муравские тетради» 1933-1935 годов, «Из записной потертой книжки...» (1944-1945), «“Я в свою ходил атаку...” Дневники. Письма 1941-1945», «Из рабочих тетрадей (1953-1960)», «Рабочие тетради 60-х годов» (они же при переиздании «Новомирский дневник» и «Дневник: 1950 – 1959») были подготовлены к печати уже после смерти поэта его родными. (Дочь поэта В.А. Твардовская до последних дней работала над подготовкой к публикации Рабочих тетрадей 30-х годов, надеемся, что ее родные завершат начатое дело по изданию прозаического наследия поэта

трагической эпохи. Остается также не доступным для читателя полный вариант сохранившихся в личном архиве поэта записных книжек и тетрадей 1940-х гг.).

В совокупности названные публикации могут быть определены как «автобиографическая проза» А. Твардовского, но при детальном рассмотрении каждый текст получит свою жанровую доминанту. Так, юношеский дневник и тетради 20-х – сер. 30-х годов наиболее близки к дневниковой форме. Она могла быть навеяна увлечением дневниками С.Я. Надсона, которым автор был увлечен в то время. Несмотря на «ученический» характер ранней прозы Твардовского, в них уже проявились черты, свойственные его автобиографическому повествованию в целом: достоверность, медитативность, аналитический подход к вопросам литературы наряду с анализом собственного жизненного и творческого пути.

Записи «о той войне незначительной» «С Карельского перешейка» уже содержат «более обширную и эстетически значимую часть» [Карясова, 21]. Это рассказ о наблюдениях, эмоциях, размышлениях автора, постепенно открывающего для себя изнанку войны. Карельскую тетрадь характеризует фактографичность (наличествуют реальные записи со слов бойцов, документы), очерковость и лаконизм повествования. В ней впервые появляются самостоятельные пейзажи. При всем сказанном, произведение «не стало фактом художественной литературы» [Кондратович, 167].

Книгу «Родина и чужбина» традиционно считают лучшим прозаическим текстом А. Твардовского. Данное произведение оказалось новаторским по содержанию и форме (не случайно попало по выходе в 1946 году под масштабный обстрел критиков, в т.ч. печально известного В. Ермакова). Ярко выраженная авторская позиция, философская глубина, мотив «отчего края», жанровый синтетизм – все это выделяет «Родину и чужбину» из ряда автобиографических текстов военной поры, приближая ее к «лирической прозе» уже 1950-1960-х гг.

В 2000-х годах были впервые опубликованы записи 1941-1945 годов, не вошедшие в основной текст «Родины и чужбины» [Твардовский, 2000; Твардовский, 2005]. Предваряя журнальную публикацию, В.А. и О.А. Твардовские заметили, что перед читателем предстанут первичные записи Твардовского, сделанные им «“на ходу”, под непосредственным впечатлением, в самом сокращенном виде» [Твардовский, 2000, 175]. Именно из таких набросков рождались произведения писателя – как прозаические, так и стихотворные. Но его записи и самоценны, потому что Твардовскому присуща особая культура восприятия и запечатления действительности. «Записи мои – не дневник, но и не что-нибудь строго рабочее, предназначенное к делу. Угадать, что и по какую пору записывать, – это уже творческий труд» [Твардовский, 1978, 310], – замечает автор.

Похожая мысль (набрасывая что-либо «<...> в заведомой черновизне, нужно изо всех сил стремиться как бы к хоть некоторой окончательности, а не считать, что это черновизна – и валяй, что хочешь, – тогда одна ерунда поперет»

[Твардовский, 2013, 416)]¹ есть в публикации «Из рабочих тетрадей (1953-1960)», которая была подготовлена вдовой поэта М.И. Твардовской в 1989 году и названа «последней книгой художника» [Твардовский, 1989, 7, 124]. «Отобранный самим автором» в 1970 году текст должен был стать основой «книги о “Новом мире”» (5). Но этим планам не суждено было сбыться. Сказанное однажды Твардовским («у приличного писателя должны быть и незаконченные вещи...» (169) оказалось применимым и к нему самому. «Последняя книга» не только продолжила традиции военной прозы автора, но и обозначила новации (прежде всего стремление к конгломерации малых жанров), получившие распространение уже в литературе 1950-х гг. Мы уже писали о том, что объединение *«форм внехудожественной авторской речи (официальных документов, обращений в инстанции) и полулитературных (письменных) бытовых форм (авторских и читательских писем, дневниковых страниц самого автора, похожих на записи в ежедневнике)»*; а также *«фольклорных малых форм (анекдотов, слухов), диалоговых миниатюр»* [Новикова, 12-13] определяет своеобразие «Из рабочих тетрадей...». На книге сказался рабочий подход автора, «черновизна» написанного, проявившиеся в отсутствии полноценных очерков. Но это компенсируется тематическим изобилием зарисовок, миниатюр, этюдов: портретных, литературно-критических, пейзажных, путевых, бытовых и лироэпических.

Выпущенные позже (уже в полном варианте) Рабочие тетради 50-60-х годов дали много нового материала к биографии Твардовского, однако не изменили формы его автобиографического текста, синтетического по сути. Перед нами конгломерат разных жанров – малых (о них мы говорили выше) и элементов «больших» форм: романного целого («кусков» автобиографического романа «Пан Твардовский») и новомирской литературной хроники. И, если в книге «Из рабочих тетрадей...» история журнала «Новый мир» при Твардовском только начинается, то в «Рабочих тетрадях 60-х годов» «летопись жизни журнала» занимает ведущее место. Данная публикация – прямое продолжение дневника 50-х годов, отличающаяся лишь отсутствием авторского редактирования.

Подвижнический редакторский труд, детально запечатленный в тетрадях, потеснил «художественную» составляющую дневника. Поэтому здесь в меньшем количестве представлены законченные портретные, пейзажные заметки, больше документального «начала». Обильнее и «лабораторный» компонент (это наброски поэмы «По праву памяти», стихов последних лет, литературно-критических статей об И. Бунине, С. Маршаке, М. Исаковском).

Заветный замысел Твардовского – роман «Пан Твардовский». Поэт задумал его «очень давно», лет в «13-14» (107), мечтал об этой «автобиографической штуке», которую сам называл своей «главной книгой» (300). Фрагменты будущей книги, по-видимому, появляются в тетрадях 50-х годов, в период работы над поэмой «За далью – даль»: в развитии биографической темы,

¹ В дальнейшем ссылки на данное издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

по словам автора, тогда доходило до «борьбы стихотворного варианта с прозаическим» [Твардовский, 2009, 1, 516].

Оглядываясь на литературных «отцов», Твардовский по их примеру хотел начать повествование со своих «корней»: рассказать историю любимого деда Гордея Васильевича вплоть до его смерти, потрясшей маленького Сашу. В дальнейшем центр повествования должен был сместиться к отцу поэта – Трифону Гордеевичу, к эпизодам его «участия» в революционных событиях (см. запись от 7-8 мая 1956 года (229). Продолжение этой темы мы видим 4 года спустя в набросках «К “Пану”» от 19 сентября 1960 года: отец полагал, что равенство «в имуществе и власти, а следовательно, и в уме» невозможно; стремясь к знатности и состоятельности, преклонялся перед людьми, прославившими свое имя: Петром Первым, Наполеоном, Пушкиным, Шаляпиным, Горьким, Поддубным. Отношение Твардовского к отцу, его видение было сложным, менявшимся на протяжении творческого пути (от «антиотцовских» стихотворений до гимна родителю в последней поэме). Его судьбой определялось толкование Твардовским «крестьянской» темы в литературе. Взрослея, поэт все больше сознавал свою неизменную тягу к земле, гордился происхождением, принимая и явную похожесть на Трифона Гордеевича: «У меня с отцом – при полярной отчужденности психологической, так сказать, было что-то общее в отношении земли, растения и цветения на ней и т. п. С дочерью – при полном соответствии общественно-политических взглядов – полная отчужденность в отношении к этим вещам» (230). Поэт полагал, что его многолетние заветные мысли о трудной жизни отца, спроецированной на трагическую судьбу всего русского крестьянства, найдут выражение именно в романе «Пан Твардовский».

План «узловых» записей к роману от 27.01.1969 свидетельствует, что будущее повествование о семье Твардовских должно было прийти и до рассказа о самом авторе: «5. Ленинский год – комсомол. 6. Как я был селькором (“Парень с голубыми глазами”» [Твардовский, 2009, 2, 272].

Полноценных набросков к роману «Пан Твардовский» в Рабочих тетрадях немного (они обычно помечены «К “Пану”» или имеют указание на принадлежность к теме в самой записи). Зачастую, реализуя другие планы, поэт останавливает себя, если чувствует, что вторгается в сферу своей большой мечты. Например, «Стал было раздвигать Автобиографию, но теперь вижу, что не стоит это делать. Или писать уже вполне широко, или строго, без “экивоков”, как и написана эта моя Автобиография лет 10 назад. Нужно сохранить в ней этот строгий стиль и план документа, сделав, может быть, отдельные вставки фактического порядка. А “живопись” – это уже область “Пана Твардовского” или каких-нибудь “автобиографических заметок”» (370-371).

Дневниковые страницы полны самоустановок о необходимости приступить к воплощению на бумаге автобиографического замысла: «Намечаю после “Теркина” <...> заняться, начиная со вступления, набросанного еще в прошлом году, “Паном”» (137); «К “Пану” записать автобиографически точно по памяти: 1) Хутор пустоши Столпово; 2) Поставщик двора е.и.в.» (176); «очень стучится автобиографическая (детство-отрочество) штука – т.е. “Пан”» (383) и др.

У автора есть четкое понимание, что будущее произведение «не будет беллетристикой», «тягучим романом-хроникой» [Твардовский, 2009, 1, 195], а будет «веселой и задумчивой, лирической и исторической» прозой (36). Твардовский сравнивает будущую книгу с горой, «которую видишь издалека, а все идешь к ней, не приближаясь, <...> “главная книга” моя, главная мечта и страх, и риск, и надежда» [Твардовский, 2009, 1, 75]. В своих мечтаниях поэт видит книгу уже сложившейся («я так привык к ней, что порой она мне казалась как бы уже написанной...») (107). Однако что-то постоянно вынуждает Твардовского откладывать ее писание «на потом»: «Параллельно идут мысли о “Пане”, иногда вырисовывается особый и независимый тон и лад этой вещи, но все это почему-то со дня на день откладывается, отодвигается» (169); «“Пана” мне здесь тоже не начать» (179). Отвлекала, безусловно, ответственная редакторская деятельность в «Новом мире»: «люди вроде меня <...> готовые в первую голову пренебречь своим “творчеством” из-за нужд “ответственности”» (436); понятна и нехватка у автора «запаса покоя», возможности полного сосредоточения на грандиозном деле рождения «прозы» (435). Останавливало также не найденное им «ощущение, предчувствие стиля» будущего произведения (272).

По признанию автора, ненаписанный роман стал кладом, из которого появились многие другие его произведения: «И если мне нужен был в дело какой-нибудь пастушечий прутик, клочок пахучего сена, какой-нибудь изгиб лесной тропинки, какая-нибудь штукавина из обихода, птица или рыба, изделие материнских или отцовских рук, занятный случай, песня, шутка, присловье или одно доброе словечко – я все это, не задумываясь, брал оттуда, из моей главной книги, которую я знал с любой страницы» (112).

«Пан Твардовский» написан не был. Не исключено, что поэт необходимых в новой работе «ряда» и «слоя» так и не нашел, что его «не отпустили» стихи и пр. Можно предположить, что свою мечту об эпосе в прозе он частично воплотил в поэмах «За далью – даль» и «По праву памяти».

В записи от 24.04.1969 Твардовский признается, что будущий роман «Пан Твардовский» будет предельно реалистичным: «выдумывать себе жизнь вместо прожитой кажется нелепым и невозможным. Но это не будет и простодушной автобиографией, как у Исаковского. На том же почти материале будет другое» [Твардовский, 2009, 2, 321]. Обратимся к прозе старшего товарища и литературного учителя поэта «На Ельнинской земле. Автобиографические страницы» (1967-1972).

М. Исаковский изначально не планировал писать мемуары. Но, готовя обновленный вариант автобиографии к Собранию сочинений в четырех томах 1967 года, он написал ее «чересчур подробно». Записи могли лечь «в стол», не прояви к ним интереса Твардовский. Как главный редактор журнала, он не только прочитал расширенное «автобио» своего учителя по Смоленской поэтической школе, но и сделал всё возможное, чтобы мотивировать старшего друга продолжить начатое. Позднее Твардовский подсказал вариант заглавия – «На Ельнинской земле», а также предложил уточняющий подзаголовок «Автобиографические страницы». Поэт считал, что определение «страницы»

заклучает в себе элемент недосказанности, оставляя тем самым за автором возможность вернуться к произведению и пополнить его новым материалом. Предложив данный подзаголовок Исаковскому, Твардовский невольно отметил сходство его «писаний» с собственными «Страницами записной книжки».

Совпадают по сути и причины, побудившие обоих авторов к созданию автобиографических текстов. «Никто, кроме меня, не воспроизведет того неповторимого и сошедшего с лица земли малого мира, мирка, который был и теперь есть для меня, когда ничего от него не осталось» [Твардовский, 1978, 274], – писал Твардовский, побывав в годы войны в родных местах и вместо отчего дома найдя лишь пепелище. А Исаковский, в предисловии к изданию своей мемуарной книги в 1972 году, признался, что, переживая заново события детства и юности, «хотел представить то, что ушло в абсолютную невозвратность, что уже никогда не повторится» [Исаковский, 6].

Со временем, писатели всё больше осознают порыв воскресить картины из небытия как важное начинание. Строки, писавшиеся «для себя», постепенно приобретают важное общественное значение: «Предчувствуется большая емкость такого рода прозы <...> Дело только в том, чтоб, говоря как будто про себя, говорить очень не “про себя”, а про самое главное» [Твардовский, 1978, 279], – пишет Твардовский. Ему созвучен Исаковский: «<...> пишу я не только свою, сугубо личную автобиографию, но в известной мере и биографию времени, биографию многих других людей, из среды которых я вышел и сам» [Исаковский, 6].

Примечательно, что в книге старшего друга Твардовский увидел «какой-то вариант своего детства» [Твардовский, 2009, 2, 291]: подробный рассказ о детской поре и юности, о семье и первых шагах в поэзии. Особенно удались Исаковскому страницы, посвященные родителям: отцу – грамотею, работающему и уважаемому человеку (его «сказки» и «случаи из жизни» украсили книгу), и матери – песеннице, доброй и тактичной женщине. Место рождения с богатейшими песенными традициями, родители и учителя повлияли на формирование будущего народного поэта. Важную роль также сыграла любовь к чтению (в приоритете были А. Пушкин, М. Лермонтов, Т. Шевченко, Н. Некрасов, А. Кольцов, И. Никитин). Узнаем мы из мемуаров и о других важных эпизодах, врезавшихся в память юного Михаила. Например, о горькой судьбе лучшего друга Пашки Глебова. Драматичны и истории односельчанок – Ариши, Христины, рано ушедших из жизни. Особенно проникновенным и поэтичным оказался рассказ об Аксинье, которая обучилась грамоте ради любовного признательного письма. Ее история, потрясшая воображение художника, ранее легла в основу стихотворения «Первое письмо» (1932), однако прозаический фрагмент оказался «более одухотворенным, согретым более тонким лирическим чувством, чем это представлено в стихотворении» [Кошелев, 104].

Когда речь заходит о войне, в повествовании Исаковского проявляются чувства горечи и печали. Рождаются скорбные строки при виде разоренной фашистами «родной стороны»:

И мне вовеки будет дорог
Край перелесков и полей,
Где каждый дол и каждый взгорок
Напоминают мне о ней.

Пусть даже стерлись все приметы,
Пусть не найти ее следа,
И все ж меня дорога эта
Зовет неведомо куда [Исаковский, 64].

Они перекликаются с уже цитируемой записью «На родных пепелищах» Твардовского: в авторском настроении и желании сохранить в памяти «малый мир» – неповторимый и уже стертый с лица земли; для обоих художников характерно «поэтическое осмысление исторического пути народа в самые напряженные моменты истории» [Котовчихина, 1988, 4]. Сближает их и постоянный мотив «отчего края» в произведениях. В «Родине и чужбине», например, запечатлены картины довоенной жизни в Загорье, Язвине, Ляхове, Пересне; изображены также Вязьма и Смоленск – но уже периода военного лихолетья. Образ «родной хаты», уютного «дома» навсегда запечатлен в памяти Твардовского.

Оба писателя сохранили на своих «страницах» и портреты земляков. Исаковский – своих любимых учителей: М.И. Погодина, В.В. Свистунова, Е.С. Горанскую.

Основной в означенной прозе смолян является усиленная позиция авторского «я». Органичное соединение лиризма и эпичности позволяет говорить о следовании обоих писателей опыту И.А. Бунина, почтительного отношения к которому не скрывали (подробнее об этом см. в исследовании Н. Котовчихиной [Котовчихина, 2009]). Реалистичность, психологизм, общность традиций также относятся к точкам «пересечения» указанных текстов.

По классификации Н. Николиной произведения обоих авторов могут быть причислены к группе *автобиографических текстов с развёрнутыми воспоминаниями о прошлом*, в основе которых – «небольшое содержание художественного вымысла, они содержат не просто факты, а субъективное начало. К этой группе относятся мемуары и дневники» [Николина, 282].

Однако есть и различия между текстами (см. *сравнительную таблицу*).

Критерий	<i>Рабочие тетради, в т.ч. «Родина и чужбина» А. Твардовского</i>	<i>«На Ельнинской земле» М. Исаковского</i>
Жанровая доминанта	Дневниковая проза с элементами «малых» и «больших» жанров	Мемуарно-очерковый цикл (сочетание глав-воспоминаний с лирическими очерками; включение фольклорных элементов и стихотворных фрагментов)
Временная организация	Хронологическая организация («Здесь и сейчас» + ретроспекция)	Ретроспекция (план прошлого)

Позиция автора	Участник событий + аналитик + лирический герой (<i>последний – в «Родине и чужбине»</i>). Двойная адресация (внутренний и внешний адресат; себе/потомкам)	Участник событий + наблюдатель + лирический герой (лиризация воспоминаний)
Стилевые особенности	Публицистичность, полемичность. Фрагментарность; чередование личных и общественных тем	Лиризм, созерцательность
Отношение к факту	Документальная фиксация	Художественное преображение

Произведения писателей-земляков различны по своим жанровым особенностям, неравноценны по степени влияния на развитие отечественной литературы. При этом, однако, они содержат общее, свойственное всем представителям Смоленской поэтической школы чувство «малой» родины, Смоленщины. Несмотря на частичную реализацию замыслов (мемуары Исаковского обрываются, дойдя до «смоленского периода», а роман «Пан Твардовский» представлен только в черновых набросках), автобиографические произведения поэтов останутся в поле зрения исследователя и вдумчивого читателя, ибо демонстрируют сложный и тернистый путь творческих личностей XX века.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Рабочие тетради Твардовского представляют собой уникальный образец автобиографического повествования, сочетающего элементы разных жанров, личные размышления с анализом литературного процесса.

2. Книга Исаковского развивает традицию лирической автобиографии с опорой на фольклорно-песенную поэтику.

3. Оба текста, при всех их жанровых различиях, демонстрируют характерные черты Смоленской поэтической школы: историзм, внимание к деталям, этическую ответственность.

Литература

Исаковский М.В. На Ельнинской земле. Автобиографические страницы. М.: Молодая гвардия, 1973. 576 с.

Карясова И.Н. Дневниковая проза в контексте поэтического творчества А.Т.Твардовского. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 1990. 170 с.

Кондратович А.И. Александр Твардовский. Поэзия и личность. М.: Художественная литература, 1985. 318 с.

Котовчихина Н.Д. Автобиографизм прозы А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова, М.В. Исаковского. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1988. 175 с.

Котовчихина Н.Д. Поэтика лирической прозы 50-70-х годов XX века: монография. М.: Экон-Информ, 2009. 159 с.

Кошелев Я.Р. М.В. Исаковский. Страницы жизни и творчества. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1995. 110 с.

Новикова О.А. Проблемы развития «малой прозы» 1940-1960-х годов: «Рабочие тетради» А.Т. Твардовского: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Смоленск, 1999. 17 с.

Твардовский А.Т. Дневник: 1950 – 1959 / подготовка текста, предисловие, коммент., указ. имен В.А. и О.А. Твардовских. М.: ПРОЗАиК, 2013. 526 с.

Твардовский А.Т. Новомирский дневник: В 2 т. / Предисл. Ю.Г. Буртина, подготовка текста, комментарии В.А. и О.А. Твардовских. М.: ПРОЗАиК, 2009. Т. 1-2.

Твардовский А.Т. Собр. Соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1976-1983. Т. 4: Рассказы и очерки (1932-1959). 1978. 564 с.

Твардовский А.Т. “Я в свою ходил атаку...”. Дневники. Письма 1941-1945 / Публик. и предисл. В.А. и О.А. Твардовских. М.: Вагриус, 2005.

Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. №№ 6, 7, 9, 11, 12; 2001. № 12; 2002. №№ 2, 4, 5, 9, 10; 2003. №№ 8, 9, 10; 2004. №№ 4, 5.

Твардовский А.Т. «Из записной потертой книжки...» (Записи А.Т. Твардовского 1944–45 годов) // Дружба народов. 2000. № 6. С.175-183.

Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с. (Серия «Филологический анализ текста»).

O.A. Novikova

Smolensk State University

Smolensk, Russia

The Genre Nature of Autobiographical Prose by A. Tvardovsky and M. Isakovsky

Keywords: *A. Tvardovsky, M. Isakovsky, Smolensk Poetic School, genre poetics, autobiographical prose, psychology of creativity.*

This article examines the autobiographical works of two prominent representatives of the Smolensk Poetic School – Alexander Tvardovsky and Mikhail Isakovsky. Based on Tvardovsky's Work Notebooks (and sketches of the novel Pan Tvardovsky, in particular) and Isakovsky's book On Yelnya Land, a comparative genre analysis of their works is conducted, highlighting both shared traits and individual differences in how the authors interpret and record their personal experiences. Special attention is given to the specificity of narrative structures, features of authorial self-reflection, and the psychology of creative activity.

А.А. Чурилов

Новосибирский государственный технический университет

Новосибирск, Россия

Т.Н. Чурляева

Новосибирский государственный технический университет

Новосибирск, Россия

УДК 82-4

Комическое в очерке А.Т. Твардовского «Бал»

Ключевые слова: *Военная публицистика, портретный очерк, А.Т. Твардовский, комизм, прием контраста*